

эти люди были менѣе русскіе, чѣмъ нынѣшніе «самобытники». Были конечно тогда люди, офранцузенные воспитаніемъ и вліяніями высшаго круга, — но такіе люди (которыхъ и теперь немало) принадлежали своей особой сферѣ, были бы чужды народу, еслибъ говорили на чистѣйшемъ русскомъ языкѣ и соблюдали внѣшнимъ образомъ русскіе обычаи: они, дѣйствительно, были оторваны отъ русской жизни извѣстными сторонами сословнаго быта; и появленіе этого типа должно быть отнесено къ его дѣйствительнымъ причинамъ, и никакъ не можетъ быть отождествлено съ просвѣщеніемъ XVIII вѣка и только ему поставлено на счетъ. Истинное дѣйствіе просвѣщенія шло въ иныхъ кругахъ, и въ теченіе настоящаго нашего обзора можно было видѣть, что напротивъ оно именно вело къ національно-общественному сознанію и къ нравственному единенію съ народомъ.

Настоящимъ выраженіемъ нашего просвѣщенія прошлаго вѣка можетъ служить литература, при всей указанной выше слабости ея первыхъ шаговъ и при всей зависимости ея отъ неблагоприятныхъ внѣшнихъ условій. Начатки ея были, дѣйствительно, грубы, неловки, неровны; предшествующая эпоха передала XVIII-му вѣку только ученыхъ богослововъ, ученыхъ стариннаго духовно-академическаго типа, — да и тѣхъ еще немного; образованіе другого рода едва начиналось, — между тѣмъ новый періодъ национальной жизни вызывалъ очевидно новую литературу, совершенно иного склада и содержанія. Впервые выдѣлялся особый кругъ, не сословный, не служило-чиновническій — такъ называемое общество: его силами и для его потребностей возникала литература въ томъ смыслѣ, въ какомъ она давно уже утвердилась въ жизни европейской. Эта литература не ограничивалась по прежнему особымъ классомъ книжниковъ, обученныхъ на полу-церковный ладъ, и обращалась ко всему кругу образованныхъ людей; ея содержаніе обнимало свѣтскую мысль, науку, поэзію, общественные интересы; она должна была говорить не на старомъ славяно-русскомъ языкѣ, который велся только въ книгахъ, а на живомъ языкѣ, на которомъ всѣ говорили. Этого рода литература предполагала потребность въ знакомствѣ съ произведеніями другихъ народовъ, съ ихъ научными знаніями, болѣе развитой общественной мыслью и поэзіей, и естественно, подпала ихъ вліяніямъ. Съ тѣхъ поръ и долго послѣ, въ сущности и донынѣ, наша литература развивалась подъ сильнымъ образовательнымъ воздѣйствіемъ западно-европейскимъ, — испытывая, правда, всегда въ очень сглаженной формѣ и урѣзанномъ объемѣ, многоразличныя ступени, которыя переживала западная, преиму-